

УДК94(477):394.92 «1891/1978»

С.І. Білокінь

**ІЗ СТАРОГО ЛИСТУВАННЯ. ВИП. 4.
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЄВИЧ СІДОРОВ
(1/13 червня 1891 – 30 червня 1978 року)¹**

Продовження серії публікацій «Із старого листування». А.А. Сідоров – видатний книгознавець і мистецтвознавець повесної доби, член-кореспондент АН СРСР. Йдеться про дослідження життя й творчості книжкового графіка Г.Нарбута.

Ключові слова: книгознавство, мистецтвознавство, листування, Г. Нарбут, А. Сідоров.

15. С.І. Белоконь – А.А. Сидорову

17.10.69. Киев

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Мне очень приятно то внимание, с которым Вы относитесь к моей работе, и лестно, что Вы столь любезно находите время и силы, чтобы поддерживать этот чрезвычайно ценный для меня контакт. Это мне чрезвычайно радостно.

Сейчас я очень доволен, что могу сообщить Вам одну приятную новость. Мне посчастливилось разыскать родную сестру Нарбута, живушюю в Карелии (!), под другой фамилией (!)². С ней давно потеряли связь все ее друзья, включая жену Г.И., и никто не знал, жива ли она. Во всяком случае, это огромная удача. Я получил уже от нее много фотографий (среди них десятков уникальных), ожидаю воспоминания. Мне хочется поехать к ней на праздники, чтобы расспросить обо всем. Предполагаю на обратном пути провести несколько дней в Москве. Если Вы позволите, я был бы рад навестить Вас (может быть, шестого числа?).

1. Білокінь С. Із старого листування: [Меркурій Сергійович Гіляров, 1912-1985] // Ханенківські читання. Вип. 4: Матеріали науково-практичної конференції. К.: Київ, 2002. С. 44-62; Його ж. Із старого листування: Віктор Олександрович Романовський (1890-1971 рр.). Вид. 2 // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики. Зб. наук. праць. Число 11. Частина 2. К., 2004. С. 84-120. Тираж 200 прим. 10 листів, 60 приміток; Його ж. Із старого листування. Вип. 3: Алексей Алексеевич Сидоров (1/13 червня 1891 – 30 червня 1978 року) // Сівєрщина в історії України: Збірник наукових праць. Вип. 4. К.; Глухів, 2011. С. 418-426.

2. Федорова Агнеса Іванівна (28 лютого 1893-1974). Дата її народження - Науковий архів Національного художнього музею України, ф. 1, од. зб. 115. До 1906 року брат жив у родині в Нарбутівці. 14/27 березня 1910 року датується листівка Г. Нарбута з Мюнхена до сестри, яку вона мені передала. У спогадах про нього, написаних на моє прохання, сповістила, що мешкала у нього в Петербурзі у другій половині 1914 року. У п'ятницю, 3 липня 1915 року повінчалась у Могилівський губ. з Миколаєм Сергійовичем Бобрівичем (власноручний запис Георгія Нарбута: Календарь на 1915 год. Пг.-М.: Акц. о-во словолитни О.И. Лемана, [1914]). Наприкінці 1918 року разом з матір'ю (померла 30 січня 1935 року) приїздила до Києва погостювати у брата (Георгійівський провулок, 11). Її остання адреса: 185 000 Карельская АССР. Петрозаводск, ул. Антикайнена, 27, кв. 63. Вона мешкала разом із сином Миколаєм Петровичем Фьодоровим, невісткою Анною Адамовною та онуком Миколаєм

Я надеюсь, что эта встреча состоится, поэтому сегодня мне хочется затронуть еще только один вопрос, правда, несколько шепетильный.

В 1908 году известный теперь историк культуры академик Н.И. Конрад³ поступил в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета. За два года до этого, в 1906 году, на это же отделение (в личном деле Нарбута – китайско-монгольско-японский отдел) поступил Нарбут⁴, но курса он не кончил (16 ноября 1907 года подал прошение об увольнении). Возможно, Н.И. Конрад был лично

3. Конрад (спр. пр. Кондрат) Николай Иосифович (1/13 березня 1891 у м. Жуковка Брянськ. пов. Орловської губ. – 30 вересня 1970, Москва), японознавець і китайст. Син селян – католика і православної. Член-кор. (1934), акад. (1958) АН СРСР. Закінчив гімназію імператора Ніколая I зі срібною медаллю (Рига, 1908) та японо-кит. розряд східного факультету СПб. ун-ту з дипломом I ст. (1912) та яп. відд. Практичної східної академії (1912). Викладав кит. (22 студенти) і яп. (54 студенти) мови (також вів заняття з їхньої каліграфії) у Київському комерц. ін-ті (1912-14). Розробив докладну програму з обох мов. За неможливістю дістати «Підручник японської розмовної мови» С. Іноуе запропонував видання власних записок. Мешкав у Києві на Вел.-Житомирській, 6. Стажувався в Японії (1914-17), вивчав у Токійському ун-ті яп. і кит. мови, культуру й класичну літ-ру Японії. Залишений стипендіатом Петрогр. ун-ту, не зміг продовжувати далі викладання у Київському комерц. ін-ті. Викладач і ректор Орловського ун-ту (1919-22). Викладач, проф. ЛИЖВЯ/ЛВИ (1922-38). Очоловав в ИВ вивчення яп. іст. документів епохи Мейдзі, разом з (Н.А.) Невським складав яп.-рос. словник. Арештований 29 липня 1938 зі звинуваченням у шпигунстві на користь Японії, одержав 5 років ИТЛ, відправлений до м. Канськ Красноярськ. краю. Звільнений пост. ОСО при НКВД СРСР 8 вересня 1941. Відтоді мешкав у Москві. Проф. МИВ (1941-50). Праця «Запад и Восток», перекладена на англ. мову, простежувала культурно-іст. паралелі й способи різного вираження тих самих ідей у різних культурах. Користувалась великою популярністю в середовищі укр. шістдесятництва (В. Зарецький, Г. Гавриленко, А. Горська, С. Білокінь). Листування з А. Тойнбі («Діалог істориків»), опубліковане в «Новом мире» (1967, № 7), мало великий розголос серед інтелігенції. Редактор «Великого японо-рос. словника» (М., 1970). 1969 одержав орден від яп. уряду. Лауреат Держ. премії СРСР (1972). Архів зберігається у Архіві Рос. АН (Ф. 1675). - Тв.: Програма по китайському языку, 1914 // ДамК, ф. 153. оп. 8. спр. 712. арк. 40-42; Програма по японському языку, 1914 // Там само. Арк. 37-39; Исэ-моногатари: Лирич. повесть дреней Японии. Пг., 1923 (переклад і передмова); Театр Кабуки. М., 1928; Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве. М., 1950 (пер. і дослідження); Запад и Восток: Статьи. М.: Наука, 1966; «Диалог историков»: Переписка А. Тойнби и Н.Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 174-185. - Літ.: Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Изд. 2. Кн. 1. М., 1995. С. 588-590; Николай Иосифович Конрад, 1891-1970 / Сост. Р.И.Кузьменко. М., 1994 (Мат-лы к библиографии ученых России. Сер. лит-ры и языка. Вып. 20); Проблемы истории и теории мировой культуры: Сб. ст. памяти акад. Н.И.Конрада. М.: Наука, 1974. 183 с.; Люди и судьбы: Библиограф. словарь востоковедов – жертв полит. террора в советский период, 1917-1991 / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003; Білокінь С. На зламах епохи: Спогади історика. Біла Церква, 2005. С. 199; Корогодський Р. Брама світла: шістдесятники. Львів, 2009. С. 451.

4. 18 серпня 1906 року Г.Нарбут подав прохання ректорові Петербурзького університету про вступ на китайсько-монгольсько-японський відділ східного факультету, був зарахований (Державний історичний архів Ленінградської області, ф. 14. оп. 3, спр. 47128, арк. 4).

знаком с Нарбутом) о знакомстве с творчеством мне известно доподлинно из его письма ко мне), но уж во всяком случае он знает местонахождение кого-либо из коллег Нарбута) я знаю лишь три фамилии: Н.П. Сычев⁵, Р.П. Лех, П. Филатов). Г.И. вместе с друзьями основал в университете художественный кружок, они устроили выставку и т.д., но источников почти нет. Кроме констатаций факта учебы в ряде работ, это только его университетское личное дело и несколько фраз в автобиографии. Вполне естественно желание обратиться с расспросами к Н.И. Конраду. Но меня угнетает одно обстоятельство. Отвечая на второе письмо его ко мне, я совершил удивительную бестактность. Я осмелился послать ему пространный «трактат», в котором изложил свою точку зрения на один вопрос, которого он касается в своих трудах (монадность человеческого общества). Боясь ущербной трансформации своего взгляда на предмет под влиянием литературы, в которой, естественно, подвопросы и аспекты этого вопроса рассматриваются неравномерно, я стремился запечатлеть этот свой взгляд и почти преднамеренно соответствующей литературы не изучил. И как я был поражен, когда понял потом (когда исправить уже ничего нельзя было), что у меня получился лепет профана. Конечно же, Николай Иосифович мне не ответил.

Очень прошу Вас, уважаемый Алексей Алексеевич, посоветуйте мне, пожалуйста, что мне следовало бы предпринять в этой ситуации. Я обращаюсь с этим вопросом к Вам еще потому, что меня поразило действительно удивительное совпадение: Н.И. Конрад живет в 111 квартире

5. Сичов Ніколай Петрович (1883 – 17 вересня 1964) – фахівець з візантійсько-української мистецької культури. Проф. Ленінгр. ун-ту, завідувач держ. реставраційних майстерень у Ленінграді. Брав участь у роботах ВУАК і Софійської комісії ВУАН над дослідженням і реставрацією розписів Софійського собору (1928) та Слеської церкви в Чернігові. За ініціативою Ф. Ернста Сичова було висунуто на академіка УАН. Але влада дбала про обрання у першу чергу своїх кандидатів – В. Затонського, Г. Кржижановського, С. Семковського, М. Скрипника, Ол. Шліхтера, М. Яворського, доля яких складалась по-різному, інколи драматично. У провіднику по Києву опубліковано його спільну з Ернстом статтю «Кол. Золотоверхо-Михайлівський монастир» (Київ: Провідник. К., 1930. С. 361-364). Арештований 1930, 17 вересня 1933 (того разу звинувачений у належності до «Рос. нац. партії») та 1948 у Володимирі, де він тоді мешкав (Ашнин Федор Дмитрієвич, Алпатов Володимир Михайлович. «Дело славистов»: 30-е годы. Москва: Наследие, 1994. С. 227, 233; Источник. 1995. № 6 (19). С. 95-96: фото). Дж.: [Ернст Федір.] М.П. Сичов: Рекомендація Всеукраїнського Історичного музею ім. Шевченка в Києві // Матеріали до обрання нових академіків. № 93. К.: Упрнаука; ВУАН, 1929. С. 1-2 окремої паг. Тираж 250 прим. На правах рукопису; Лазарев В.Н. Н.П. Сычев: Некролог // Византийский временник. Том 26. Москва, 1965. С. 291-292; Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М., 1971. С. 15.

Вашего дома (тел. 23 2 24 32).

С искренним уважением С. Белоконь.

P.S. Исследования Т.А. Скрипник мне не известны, хотя, конечно, очень меня интересуют. Ваша книга «Записки собирателя» до Киева, к сожалению, еще не дошла.

С.Б.

16. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю
Дорогой Сергей Иванович!

Поскольку, как Вы пишете, моей книги у Вас в Киеве нет, я с удовольствием посылаю Вам экземпляр из числа «авторских»⁶.

Относительно Н.И. Конрада не беспокойтесь. Он весьма культурный и корректный человек. Если он Вам ответит – хорошо, если не ответит – это не будет означать, что он как-либо «задет».

Ваш А.А. Сидоров

М[осква]. 25/X. 69

17. С.И. Белоконь – А.А. Сидорову
17.11.69. Киев

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Возвратившись наконец из своего турне, во время которого я записал у сестры Г. Нарбута очень интересные воспоминания, я опять вспоминаю столь приятный для меня визит к Вам, бывший, к сожалению, не менее кратким.

Также благодарю Вас за интереснейшие записки Ваши, которые застал дома и к чтению которых уже приступил.

Посылаю Вам для редакционной работы первую статью – пускай это будут воспоминания С.Н. Троицкого⁷. Очень прошу Вас свои замечания

6. Дарственная надпись: «Милому Сергею Ивановичу Белоконю на память – с дружелюбием!» – Автор. М[осква]. X. 69. А.А. Сидоров.

7. Трійницький (Тройницкий) Сергій Миколайович (19 серпня 1882 – 2 лютого 1948, Москва) – мистецтвознавець, геральдист, видавець. Нашадок келебердянського сотника (1717, 1730) Павла Трійницького (Краткая родословная дворян Тройницких. Коррекционное изд. СПб., 1911. Табл. I. Наклад 100 прим.). У 1905-06 заснував видавничтво й друкарню «Сириус» (Центральний державний історичний архів, СПб., ф. 986. оп. 1. № 77. арк. 29). Видавав журнал «Гербовед» (1913-14). З 1918 директор Державного Ермітажу. Намагався протистояти державній політиці, спрямованій на розпродаж за кордон унікальних пам'яток мистецтва (Жуков Юрій Николаевич. Операція Ермітаж: Опыт ист.-архивн. расследования. Москва: Москвитянин, 1993. С. 37-38, 52, 54-55, 62, 68-69, 71, 78, 86, 91, 93, 103). У березні 1935 засланий до Уфи. 1939 мешкав півроку у Малоярославці, оскільки мав мінус 100, а восени того року переїхав до Кускова, де працював у Музеї порцеляни. З початку 1941 мешкав у Москві. 1946 чи 1947 захистив докторську дисертацію про європейську порцеляну (лист дружини Трійницького М.В. Борисової-Мусатової до мене від 1 грудня 1970). Тв.: Гербы графов Разумовских // Гербовед. 1913. С. 141-156; «О перемене имени прежней Запорожской печати» // Гербовед. 1914. Май. С. 69-77; «О учинении в Слободские полки и регулярные роты на знамена гербов» // Гербовед. 1914. Июнь-июль. С. 85-107. - Дж.: Белецкий Платон Александрович

фиксировать по возможности на отдельном листе. Кажется, это будет удобнее.

Также посылаю Вам образец собственной продукции – публикацию воспоминаний Добужинского (мне известно семь вариантов, так что сепаратное опубликование одного из них не считаю грехом). Этот материал мне уже вернули из «Невы», т.к. они считают, что такие (?) публикации требуют специального (где оно? – С.Б.) издания. Все же верните мне, пожалуйста, и воспоминания Добужинского. Быть может, кому-нибудь они все-таки подойдут. Буду очень признателен Вам за критические замечания. Прошу Вас связать меня с Т.А. Скрипник. Каков характер ее над Нарбутом работы?

С глубоким уважением.

С. Белоконь.

*18. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю
Москва. 03.12.1969 г.*

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Только затянувшееся мое нездоровье, принимающее порою весьма тяжкие формы, мешало мне раньше ответить Вам на Ваше письмо еще 17 ноября, написанное, полученное мною, вместе с рукописями воспоминаний о Нарбуте С.Н. Тройницкого и М.В. Добужинского, в 20-х числах прошлого месяца. Верьте, что я, с симпатией и интересом изучая все начало XX века, очень Вам благодарен за Ваши эти материалы, и если возвращаю их Вам по Вашей просьбе, то делаю это вместе с выражением сожаления, что для публикации всех Вам собранных о Нарбуте материалов не нахожу я в Москве мест. Не то время. Нет у меня также и «пробивных сил», чтобы так или иначе «проталкивать» какие-либо и чьи-либо материалы в печать. И нездоров я.

Вы просили меня о «критических замечаниях» по поводу материалов этих. Воспоминания

(1922-1998). Георгий Иванович Нарбут. [Л.: Искусство, Ленингр. отд-ие, 1985. С. 46, 65-66, 80-81, 83, 89, 98, 105, 219, 225-226; Георгий Нарбут: Библиогр. показчик / Укладач С. Білокін. Вип. 1: Г. Нарбут в екслібрисі. Суми, 1988. С. 35-36; Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры (1994). С. 169, 203, 233; Вилинбахов Георгий Вадимович (нар. 13 квітня 1949). Сергей Николаевич Тройницкий: Материалы к биографии // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб., 2002. С. 176-186; Білокін С. Чернігівсько-Петербурзький історичний гурток, 1908-1917 // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики; Зб. наук. праць, Число 10. Частина 2. Пам'яті М. Брайчевського. К., 2003. С. 288-298; Бобрищев Кост. Отчий край. Кн. 2 (2004). С. 664-673; Богомолов Сергей Иванович. Российский книжный знак, 1700-1918 / Росс. гос. б-ка; Росс. нац. б-ка; Б-ка АН России; Музей экслибриса Междунар. сообщества книголюбов. Москва, 2004. С. 830; Рыхляков Вадим Николаевич. Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей: Биобиблиогр. справочник. Изд. 2. СПб.: Осипов, 2005. С. 277-279; Білокін С. Музей України: Збірка П. Потоцького: Дослідження, матеріали. К., 2006. С. 33-34, 48, 68-69, 259.

С.Н.Тройницкого чисто биографичны. Читая их, как и более объемную рукопись М.В. Добужинского, не мог я отделаться от мысли, что наиболее важным и нужным было бы иметь полное и точное описание всех работ Нарбута или, по меньшей мере, его печатных графических работ: книг с его рисунками, обложками, шрифтовым оформлением и т.п., т.е. довести до настоящего современного уровня наше фактическое знание о всем, что связано с именем Нарбута, включая сюда и всякие его «мелочи». Такая, хотя бы кропотливая и трудная работа, бывшая начатою друзьями Нарбута, не пропадет никогда, ни сейчас, ни потом. Вместе с тем рассчитывать на ее публикацию можно бы было только на Украине. Нужен настоящий самоотверженный героизм и молодой энтузиазм такого человека, как Вы...

Одно «критическое», точнее историческое, замечание к «Воспоминаниям Добужинского» я бы сделал.

В Ваших примечаниях к статье Добужинского за №№ 48 и 50 речь идет об одном из поражающих, известных истории нового искусства, случаев ПЛАГИАТА, который Добужинской с присущим ему тактом «замолчал»: «очень известный художник», о котором говорит Добужинский как о сотруднике «Simplicissimus» а – это Томас Теодор Гейне, который в 1910 году «перерисовал» – рисунок русского приятеля Нарбута – самого М.В. Добужинского. Последний рисунок (М.В.Добужинского) был помещен в № 1 журнала «Жупел» (СПб., 1905-6) под названием «Октябрьская идиллия». Рисунок Т.Т. Гейне, который неизбежно надо назвать ПЛАГИАТОМ с Добужинского, помещен в «Симплициссимусе» 1910 г. с подписью «Из темнейшей Германии» (он воспроизведен в известном издании ГДР «Der graphische Cycles» Поммеранц-Лидтке под тем же названием и без указания, что заимствована вся композиция у русского художника). Плагиат донныне не разоблачен в печати.

Вы спрашивали меня о Т.А. Скрипник. Свяжитесь с нею сами, я не в курсе ее работ о Нарбуте. Ее адрес – Харьков-86, пр. Ленина, № 39, кв. 130. Татьяне Алексеевне Скрипник.

Я лично буду всегда рад Вам отвечать на любой ваш вопрос, буду рад корреспонденции между нами.

Ваш искренне А.А.Сидоров.

*19. С.И. Белоконь – А.А. Сидорову
Annun felicissimus 1970.
С.Белоконь.*

*20. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю
[Дата на поштовому штемпелі:] 03.01.70.*

*Sergio Albo Equo
Kievae*

*Gratiam tibi ago college junior doctissime
Bonam Fortunam opto tibi*

21. С.И. Белоконь – А.А. Сидорову
09.02.70 Киев.

Глибокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Очень досаду на всесильные обстоятельства, из-за известного качества которых могу взяться за письмо лишь сегодня.

Я целиком разделяю Вашу точку зрения относительно каталога работ Нарбута, а также – добавлю от себя – возможно более полной библиографии. Такой материал у меня исподволь накапливается и растет, благо начинать пришлось не на пустом месте, а уже при наличии очень ценного и большого фактажа, собранного Федором Эрнстом⁸ и Ярославом Стешенко⁹. Кстати, были ли Вы с ними знакомы? Уклонюсь немного в сторону, чтобы сообщить Вам, что около двух месяцев тому назад умерла в Сибири от саркомы жена Эрнста Тамара Львовна¹⁰, очень милая и интеллигентная женщина. Некоторым утешением может быть лишь то, что приблизительно за два года до смерти она написала в высшей степени интересные воспоминания о своем муже¹¹.

Итак, что касается каталога оригиналов, то я зафиксировал уже довольно большое количество в частных собраниях и, конечно, музеях. Отмечаю также все встречающиеся мне публикации, даже в календарях. А вот в составлении библиографии больше, к сожалению, работы, чем смысла. Где-то с тридцатого года это (почти сплошь) или ругань, или совершенно не интересная болтовня. Увы, приходится заниматься и ЭТИМ. Поскольку я отмечаю даже простые упоминания имени, получается довольно много.

Вы уже, по всей видимости, знаете, что в январе скончался Врона, бывший в редколлегии сборника. Вдвоем с ним мы когда-то отправили в издательство заявку, и он получил ответ. Как вообще отразится эта смерть на издании – мне трудно предположить. С другой стороны, правда, его работа заключалась лишь в вычеркивании в текстах отдельных мест. Во всяком

8. Підсумком багаторічних досліджень його життя й діяльності стала монографія: Білокінь С. В обороні української спадщини: Історик мистецтва Федір Ернст. К., 2006. 355 с.

9. Першу публікацію про нього див.: Стешенко Я.И. // Книговедение: Энц. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 521. Пор.: Білокінь С. Видатний український бібліограф Ярослав Стешенко, 1904-1939 // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського. Вип. 2. К., 1999. С. 53-64.

10. Ернст (дівоче прізвище Байкова) Тамара Львівна (1904 чи 1905, СПб. - 26 серпня 1969, Маріїнськ, Кемеровська обл., Сибір). Дочка царського генерала (?). У 1920-х жила з матір'ю в Одесі. Вийшовши заміж (8 серпня 1926), переїхала до Києва. Після звільнення чоловіка виїхала до нього до Алма-Ати. 28 квітня 1938 була ув'язнена. 12 жовтня 1938 трійка при УНКВД по Алма-Атінській обл. дала їй 10 років ІТЛ. 2 квітня 1939 слідча частина НКВД КазССР реабілітувала її за недоведеністю складу злочину. Потім вона викладала французьку мову у Маріїнському лісотехнікумі. Жила й померла неподалік від таборів, де перебувала.

11. Повністю опубліковані у вид.: Білокінь С. В обороні української спадщини. С. 273-305. с.

случае на этой неделе предполагаю написать (все это, конечно, для моего же архива) о нем воспоминания (с воспроизведением его писем и автобиографических заметок). Невесело мне впервые в жизни приниматься за такие мемуары, но сделать их надо, т.к. уже есть вторая тема: Т.Л. Эрнст.

Посылаю при сем два журнала с моими заметками. И они не принесли мне особой радости, т.к. «подготовившие их к публикации» редакционные работники получали выучку, должно быть, в мясных. Мне кажется, не осталось ни одного не пострадавшего предложения, не говоря о мыслях.

Прилагаю также статью Яремича. Может быть, целесообразно не возвращать мне посылаемые тексты сборника, а иметь один его экземпляр и Вам. Если в этом Вы усмотрите смысл, статья Яремича может остаться у Вас. В ней есть ряд размышлений дискуссионного характера, но мне кажется, что эти места следует не изымать, а восполнить пояснительными комментариями, т.к. Яремич крупный искусствовед, и эта его статья сама по себе представляет исторический интерес. Как Вы считаете?

Что касается студенческих воспоминаний Н.И.Конрада, то в не известных пока что автобиографических заметках Нарбут называет нескольких своих коллег по художественному кружку, которых Н.И. может помнить, тем более, что круг значительно расширяется – уже четыре человека. Итак, первый коллега Н.И. Конрада по факультету – сам Нарбут. Второй – Роман Лех (род. 27 октября 1888 на Волыни). Некоторые данные до 1913 года я почерпнул из его личного дела. Третий – П. Филатов. Соответствующего личного дела в университетском фонде Ленинградского областного архива нет. Есть Вас. Серг. Филатов (род. 28 января 1876 на Дону). Известны мне также писатель Влад. Всеволод. Филатов, офтальмолог Влад. Петр. Филатов, педиатр Нил Фед. Филатов, эмбриолог Дмитр. Петр. Филатов и почвовед Мих. Мих. Филатов, но последние, к сожалению, к делу не относятся. Четвертый студент китайско-монгольско-японского отдела Восточного факультета – известный Вам Н.П. Сычев (род. 26 апр. 1883 в Петерб.). Я сожалею, но биографических данных у меня нет пока о нем, равно как и не известно мне местонахождение его архива.

Мне представляется, что розыски указанных выше лиц (тех из них, о чьей смерти неизвестно), их родственников, архивов в лучшем случае дадут немного, но я хочу использовать и этот источник. В данном случае не имею особо радужных надежд, но мне кажется, что не попробовать – неприлично.

Быть может, Н.И. Конрад мог бы указать какие-либо их следы. В данном случае это единственный вариант, т. к. иные выпускники Восточного факультета десятых годов мне не известны.

У меня есть уже некоторые идеи относительно будущей классификации всех моих материалов и

размышлений по Нарбуту. Это должны быть три машинописных и переплетенных тома общим объемом до 100 печатных листов. Содержание мне представляется таким.

Том первый. Прежде всего я дал бы историю самой работы моей над Нарбутом, много наблюдений, характеризующих нашу историческую эпохи и общественные отношения. Затем – история рода Нарбут и значение полученного от предков наследия для Г.И. Заметки по истории Глухова и Глуховщины в связи с формированием мировосприятия и мировоззрения Нарбута. Его письменное наследие – переписка, автобиографические заметки, календарь. Интереснейшие источники с возможно более широкими (я имею в виду вместе с тем – глубокими) комментариями и примечаниями. История Нарбутовского сборника 20-х годов¹². «Капище нарбутовского сердца». Под последним я понимаю энциклопедического типа сборник, созданный по образу и подобию бальзаковской энциклопедии (учитывающей всех его персонажей, родственников, друзей и знакомых) и сочинения князя И.М.Долгорукого «Капище моего сердца или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни». Этот последний раздел будет также интересен, т.к. большинство сведений очень раритетно – выписки из архивных материалов, библиография и свидетельства родственников.

Том второй. Обзор источников и исчерпывающее наивный фактаж полностью исследование. Материалы об учениках Нарбута.

Том третий. Синтетическая работа о Нарбуте, которая будет завершением моих набросков в характере «Профилей» Эфроса (жаль, что он Нарбута представил совершенно неверно!) и системы историософских этюдов. Литература о Нарбуте. Каталог произведений¹³ с указанием на публикации и выставки, а также описанием оригиналов. Каталог фотографий (sic! – это также интересно). Каталог портретов Нарбута работы других мастеров.

Изучением истории рода и первоначального окружения, затем рассмотрением полного объема фактажа, и лишь последующим подходом к работе синтетического характера я получу три этапа отбора материала по его объективности и существенности, в результате чего исторические и философские погрешности будут сведены на нет. Так мне представляется.

12. Оpubліковано: Білокін С. Нарбутівський збірник // Збереження історико-культурних надбань Глухівщини: Матеріали Другої науково-практичної конференції (17 квітня 2003 р.). Глухів, 2003. С. 76-85. Пор.: Білокін С. Про видання, заборонені на стадії верстки, або тиражі яких було знищено, 1920-1941 // До джерел: Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Том II. К.; Л., 2004. С. 554-602.

13. Каталог «Произведения Г.И. Нарбута в частных собраниях» (153 од.), що охопило відомості до початку масового терору, увійшло до видання: Георгій Нарбут: Бібліогр. покажчик. Вип. 1: Г. Нарбут в екслібрисі. Суми, 1988. 41 с.: іл.

Был бы рад Вашим замечаниям по такому плану. Кроме того, очень прошу Вас прислать мне на некоторое время Вашу возможно более широкую автобиографию и возможно более полную библиографию. Первую я хотел бы прореферировать для моего т. н. «Капища», а по второй ознакомиться со всеми Вашими работами, между прочим и для выявления всех, где Нарбут хотя бы упоминается. Эти материалы я могу возвратить вам довольно быстро.

Какова дальнейшая судьба симпозиума по отражению дружбы народов в произведениях искусства, о котором Вы рассказывали?

Простите, пожалуйста, за некоторые длинноты и беспокойство.

С искренним уважением С. Белоконь.

*22. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю
Москва 19.02.70*

Получил Ваше большое, содержательное и, безусловно, интересное письмо от 9 февр., получил также 2 №№ журналов с Вашими статьями¹⁴. Очень благодарен за все. Журналы, издаваемые на Украине, в Москве можно доставать только в библиотеках. Я же по очень неважному доньше состоянию здоровья сижу дома, веду «затворнический», кабинетный образ жизни, и получаю материалы для размышлений и изучений или по почте, или от меня навещающих немногих лиц. Сам я занят чтением, библиографией моих основных тем (история графики и книги, история художественной критики), и в силу этого нахожусь как бы «вне» активной жизни. В значительной мере именно поэтому отпала и та тема – устройства совещания на темы «Национального и интернационального в современном искусстве», дружбы народов, о котором Вы меня спрашиваете в конце Вашего письма. К этой проблеме, конечно, вернутся, если организует наш совет «История мировой культуры» такое совещание, я в нем приму участие. Но не как устроитель. У меня вообще мало сил, мои периодические недомогания меня выводят из строя.

По поводу Ваших статей в журналах скажу лишь одно, – что Вы в них показываете себя как вполне уже подготовленный к научной работе, настоящий специалист, которому я охотно готов подсказать хорошую будущность.

Перехожу к Вашему письму. Оно серьезно и заслуживает с моей стороны такого же серьезного ответа.

Прежде всего Ваши имевшиеся в нем вопросы, на какие мне ответить легче, сразу. Увы, я не знал лично ни Стешенко, ни Врону, ни Фед. Эрнста. Конечно, слышал про них. Но сведения и мнения о ком-либо «из вторых рук» обычно недостаточно компетентны. Я знал с другой стороны лично С.П. Яремича,

14. Тоді було надіслано статті: «Мистецтвознавець, етнограф: До 80-річчя від дня народження С.А. Таранушенка» (Народна творчість та етнографія. 1969. № 6. С. 67-69) та «Завещание Михаила Старицкого» (Радуга. 1970. Январь. № 1. С. 168-172).

С.Н.Тройницкого. О них я вспоминаю с уважением. Недавно в Ленинграде чествовали память Ст. П. Яремича, в Эрмитаже была открыта выставка графики из бывших его коллекций. Статью С.П. Яремича, которую Вы мне прислали, я мог и вернуть Вам, и сохранить у себя на память: статью эту Вы совершенно правильно расценили. Если она Вам нужна, я ее Вам верну, если нет – у меня она сохранится и понадобится и мне, и другим. Решайте Вы.

О Н.И. Конраде и тех сведениях, какие он мог бы Вам дать, – по правде сказать, не знаю, что Вам посоветовать. Н.И. Конрад все время болел. Он живет в том же доме и в том же подъезде, как и я. Но мы с ним за все это время не виделись. Моя глухота препятствует телефонным сношениям. Мне представляется, что Н.И. Конрад мало интересуется теми вопросами, которые сближают Вас и меня. О Филатовых у меня никаких сведений нет. Здесь надо учесть и то, что я вполне «москвич», Нарбут же принадлежал и в годы учения, и в годы творчества Ленинграду («С.-Петербургу»).

Самое главное – план и содержание работы Вашей о Нарбуте. Как Вы мне его изложили – это объемный трехтомник, в котором первая часть посвящена «роду» и «украинскому», глуховскому, базису творчества Нарбута, его «капища». Вторая часть (том) – «источники и материалы», включая и учеников Нарбута. 3-я часть – синтетическая, как Вы говорите, работа о Нарбуте. «Профили» А. Эфроса, по моему мнению, блестящий пример чисто субъективной критики, и я надеюсь, что по этому пути Вы не пойдете. Сюда же Вы думаете ввести всю литературу о Нарбуте и каталог его произведений. Вы просите меня дать Вам мои замечания по Вашему плану. Просите от меня мою автобиографию и библиографию моих работ. Последнее, право, Вам, по-моему, не нужно! Мою «Био-библиографию» издала Ак. Наук в особой книжке, я, может быть, пришлю Вам¹⁵, если найду, оттиск статьи обо мне из сборника «Книга», самый полный. Я занимался очень многим, свою широту интересов считаю «плюсом», не «минусом». Я понимаю, что Вам хочется собрать воедино все, что когда-либо кем-либо было сказано о Нарбуте. Но не надо «разбрасываться»!

Относительно Вашего плана у меня возражений нет. Я понимаю Вашу тенденцию, как и основную мысль статьи о Нарбуте С.П. Яремича, – всецело связать Нарбута с его родиной. Но здесь как раз и кроется главная (в кавычках) «опасность». Нарбут принадлежит не только Украине, но и России (через Крылова, хотя бы!). Принадлежит он и

15. Коли вийшло друге видання (Матеріали к бібліографії учених СРСР: А. А. Сидоров. Изд. 2. М.: Наука, 1974), я його прорецензував, наголосивши на пропущеній статті про Нарбута з високою його оцінкою (За книгами - 60 лет поиска // Дружба народов. 1974. № 12. С. 283; Сов. библиография. 1975. № 4 (152). С. 91).

Европе, и всему миру как художник книги и мастер графики. Для марксиста было бы исключительно интересно проследить эволюцию творчества Нарбута, проведенную его от «Малороссийского гербовника» к украинскому трудящемуся народу. И многообразные культурные связи искусства Нарбута с его окружением и с его традициями вплоть до Дюрера обязаны бы были Вы осветить.

Пред Вами стоит трудная и ответственная задача ПОНЯТЬ и ПОДНЯТЬ искусство и историческую роль Нарбута, ответить достойно всем его критикам, и «вырвать» Нарбута из «кружковой» среды «младшего Мира Искусства», показать его место в культуре его времени...

Я буду с очень большим интересом следить за дальнейшим ходом Вашей работы и готов, посылно, быть Вам полезен, чем смогу.

Ваш А.А.Сидоров.

*23. С.И. Белоконь – А.А. Сидорову
06.03.70*

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Очень признателен Вам за ваше любезное внимание. Ваше письмо логически подводит меня к необходимости изложить некоторые замечания более общего характера, которые относились бы к затронутым Вами вопросам.

Когда художнику в процессе деятельности приходится переместиться из одной, сказать бы, этнокультурной среды в другую, уже сам материал предполагает некое априорное отношение исследователя к такому перемещению, могущее определить и выбор метода при изучении данного феномена. Если в формировании исследования возобладает существующий по некоторым областям литературный голод, работа получается в значительной степени абстрактной, отвлеченной от этой проблемы. В более благоприятном случае, когда литературы много, исследователь может позволить себе роскошь ограничиться лишь каким-либо аспектом вопроса, всемерно – как только ему позволит объем материала – «развернуть» (в точном значении слова) этот аспект в самоценный объект. Вне сомнения тот факт, что изучение вопроса в разных плоскостях дает возможность более глубокого осмысления этого вопроса, а посему вполне правомочно.

Нарбут прожил на Украине первые двадцать лет жизни. Затем десять лет провел он в Петербурге, один в Мюнхене, после чего переехал в Киев, где скончался через три года. Более общая схема: Петербургом и Мюнхеном было отшлифован украинский самородок, вернувшийся на Украину зрелым мастером. Налицо два – если брать наиболее общее – периода его творчества: петербургский и киевский. Вполне естественны две тенденции при изучении этого творчества: связать его сколь

возможно прочно с Россией – и проследить, так сказать, украинскую линию в его наследии и жизни. Как русский искусствовед, изучающий развитие русской графики начала века, Вы, мне кажется, реализовали первую тенденцию, историк украинского искусства Федор Эрнст – вторую. Но закономерен и еще один подход: учитывая в известной мере два предыдущих (опять статья вне этой проблемы) и говорить о Нарбуте, как цельном явлении, рассматривая его творчество изнутри.

Мне трудно сказать, был ли он русским графиком вообще. Кстати, я сомневаюсь, были ли русскими графиками, скажем, Бенуа и Сомов.

Это только университетская суета не дает мне последнее время работать и даже задержала написание этого письма. Если судьбе будет угодно в дальнейшем дать мне все же послабление, не навязывая какой-либо свой вариант, а дав возможность самому избрать сферу деятельности, – я предполагаю заниматься историей украинской культуры и интеллигенции¹⁶. Поэтому мне хотелось бы развить и подытожить вторую тенденцию (в I и 2 тт.) и реализовать третью (в т. 3).

Нарбут действительно принадлежит Украине и как украинский график – любому другому народу, Европе, всему миру.

Именно в таком приблизительно аспекте представляется мне этот конкретный случай проблемы национальности художника. Проблемы, в сущности еще не решенной и очень малоперспективной: это слишком политическая проблема...

Что касается эволюции творчества Нарбута, приведшей его, как Вы пишете, от «Малороссийского гербовника» у украинскому трудящемуся народу», – то это вопрос особый. Собственно говоря, в творчестве Нарбута определенная Вами в конце письма проблематика меня интересует более всего. Сейчас я именно над нею работаю, а поэтому останавливаться на этом не стану: надеюсь через некоторое время представить Вам первоначальные результаты моих на этот счет размышлений.

Статья Яремича может, конечно, остаться у Вас. Я только просил бы Вас прислать свои замечания, могущие быть помещенными в общем тексте с отметкой (прим. ред.). Через некоторое время я отпечатаю для Вас следующую партию материалов.

Очень жаль, что Н.И. Конрад болен. Я не смогу написать ему, – может быть, Вы увидите с ним

16. Заявивши про свої наміри на початку 1970 року, тобто ще за життя видатної громадсько-культурної діячки Алли Горської, яка справила потужний вплив на мене, й перед арештами 1972 року, я йшов за своєю зіркою протягом дальших десятиріч, написавши книжки «Масовий терор як засіб державного управління в СРСР» (К., 1999) та «Нові студії з історії більшовизму, I-VIII» (Вид. 2 розшир. й доп. К., 2007). Центральне місце у другій із них зайняв розділ «Паралельна історія УРСР. Большевики і українська культурна спадщина».

после его выздоровления, и рационально до того времени оставить вопросы, связанные с учебой Нарбута на Восточном факультете Петербургского университета?

Вы пишете, что были хорошо знакомы с Тройницкими и Яремичем. Оба меня очень интересуют. Яремич – автор статьи о месте Нарбута в украинском искусстве, Тройницкий записал любопытные о нем воспоминания. Мне кажется, что заинтересованность их деятельностью не будет «разбрасыванием», а лишь необходимым условием для глубокого понимания названных материалов. Мне хотелось бы поэтому серьезнее ознакомиться с их деятельностью. Над архивом Яремича я работал в фондах Эрмитажа; кое-что интересное для себя я там нашел. Что же касается Тройницкого, то здесь положение исключительно тяжелое. Московский собиратель [Петр Михайлович] Данилов говорил мне, что его библиотека погибла; с его женою [Марианной Викторовной] Борисовой-Мусатовой мне никак не удастся наладить регулярную переписку; вторая жена его Марфа Андреевна (она была женою Яремича), сколько известно, умерла. Можете ли вы что-нибудь мне посоветовать? Записаны ли Ваши воспоминания о Сергее Николаевиче? В какие годы Вы были с ним знакомы?

Буду очень благодарен Вам, если Вы сможете мне прислать био-библиографические материалы о себе. Мне все же хочется собрать сведения, о которых я Вам писал. Это будет, по-видимому, интересно и бесполезно.

*С искренней признательностью и уважением
С.Белоконь.*

*24. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю
23.03.70*

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Очередное нездоровье и, несмотря на это, большая деловая занятость мешали мне раньше ответить на Ваше всегда интересное для меня письмо. Я прошу Вас не сетовать на меня. К Вашим письмам и Вашим занятиям Нарбутом я продолжаю относиться с вниманием историка и искусствоведа и сочувствием друга Нарбутовской графики. Честно говоря, не надо Вам, думаю я, вводить в нашу общую тематику понятие «этнокультурной среды»¹⁷.

17. Проживши довге життя, Сидоров явно злякався, щоб я не завів його на слизке. Дальший текст призначався в першу чергу навіть не для мене, а для того «читача», який міг опинитись між нами. Зовсім інакше поставився до моїх студій колишній директор бібліотеки Ермітажу Оскар Вольценбург. Він знав, що я займався Нарбутом, прагнути увійти в епоху й вивчити тло, цілі дні просиджував у кол. Імператорській публічній бібліотеці за ернстівсько-стешенківськими каталогами 1926 року, за Віктором Ховіним, виданнями «Книжного угла». Від Вольценбурга я маю комплект нарбутівської «Української абетки» (він мав два примірники й один подарував мені). Подарував він мені також рідкісну й рідкісну книжечку К. Сліпка-Москальцева, присвячену Михайлові Бойчуку, а також десяток інших видань цієї серії. У свою чергу я переслав йому каталоги останніх років, які були

Гораздо правильнее обратить внимание на Ленинские проблемы: диалектики национального и интернационального, классовости и партийности. Важно не количество лет, прожитых художником в том или ином месте, а качество и идейный смысл его произведений. Ф. Эрнст, хотите или нет, более просто С.П. Яремич, – «простодушно» считали Нарбута в первую очередь украинцем в о о б щ е. Для меня Нарбут был не только «русским», но и «мировым» мастером, прекрасным украинским, вначале «паном», потом «демократом», вместе с тем высококультурным «европейцем». НЕЛЬЗЯ отнимать любого художника от его народа, от его национальной культуры. Но нельзя столь же игнорировать проблематику его социальной среды и его эпохи. В настоящее время мы (sic) с известною долей тревожности наблюдаем явление НАЦИОНАЛИЗМА в ряде работ ученых наших национальных республик и социалистических стран в более широком охвате. Это Вы, без сомнения, знаете. Ваша постановка вопроса «Нарбут принадлежит Украине, и как у к р а и н с к и й график – л ю б о м у другому народу», – парадокс, с которым спорить не надо, но в таком «повороте» оказываются «сняты» более важные для меня проблемы: среды, класса, времени! «Среда» – с о ц и а л ь н о е понятие!

Н.И. Конрада я увижу в ближайшее время и поговорю о Вас.

Яремичем занимается целая группа ленинградских специалистов, как и Тройницким. Все мои сведения не уравнивают того, что могли бы дать Вам «петербуржцы-ленинградцы». Хотя бы П.Е. Корнилов.

В будущем году мне исполняется 80 лет (!). Материалы о моем творческом слишком долгом пути собираются.

З а ч е м они Вам – ?

С неизменной симпатией к Вам – А.А. Сидоров.

*25. С.И. Белоконь – А.А. Сидорову
01.04.70 Киев*

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

У меня нет вашей библиографии, поэтому некоторые работы, имеющие отношение к Нарбуту, я разыскал исключительно по наитию. Долгое время для меня оставался terra incognita сборник «Мастера современной гравюры и графики», где я намеревался найти статью Вашу о Г.И. Нарбуте, – его не было ни в одной библиотеке. Как оказалось, это произошло не случайно и по простой причине. Прилагаю прошедший инстанции бланк заказа, сделанного мною в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, – сборник обнаружился в спецфонде¹⁸. Таким образом, йому потрібні для словника «Художники народов СССР», який він започаткував і який ... не вийшов до кінця й досі.

18. Зараз я можу тільки дивуватись, не знаходячи «Мастеров» у двотомнику «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» (Ч. I-II. М.: Издание

выяснилось, что библиография Нарбута – дело очень сложное, коль скоро даже сборник «Мастера...» найти не так просто, а таких ответов у меня сохранилось от поездки в Ленинград немало.

Я вполне солидаризуюсь с Вашей постановкой вопроса относительно демократизации Нарбута в Киеве, – явлении, не до конца, быть может, и не вполне отчетливо (т.к. времени у него оставалось уже мало), но совершенно определенно и основательно выявившегося. В качестве иллюстрации прилагаю текст заметки¹⁹, – одну из нескольких, написанных мною к пятидесятилетию со дня его смерти (23 мая; верните ее, пожалуйста). Эта заметка представляет собою краткое изложение отдельных мест из большой работы, над которой я занят и о которой сообщал Вам в последний раз. Простите, пожалуйста, что не могу сейчас перевести ее для Вас на русский язык.

Еще раз внимательно прочитав Ваше письмо, я пришел к выводу, что какое-либо существенное различие моих взглядов с Вашими отсутствуют. Так же, как и Вы, я не могу считать Нарбута украинцем вообще, так как меня такая постановка вопроса вообще совершенно не устраивает; может быть, она и имела смысл на более ранних этапах развития искусствоведения, когда Нарбут казался сугубо петербургским графиком, но сейчас это уже анахронизм. Были петлюровцы-украинцы и большевики-украинцы, а между тем их «сближало» лишь то, что во время отдыха между боями они пели одни и те же песни. Да здесь и уточнение излишне, – я имею в виду лишь национальные черты художественной психики, какие-то менее частные, присущие всей этнической общности, способы мышления, особенности восприятия мира. Тем не менее, я, разумеется, отнюдь не собираюсь выдвигать эти вопросы на первый план в исследовании, – они и у меня остаются большей частью «вне кадра», выражаясь зачастую лишь в моих же собственных приемах осознания предмета, во взгляде на мир, в способах реализации системы моих мыслей. И, мне кажется, я вообще напрасно затронул этот вопрос.

Опять-таки, подчеркнуто солидаризуюсь с Вами в восприятии образа Нарбута, я хочу лишь уточнить один термин. Вы пишете о явлениях «национализма в ряде работ ученых наших национальных республик». В последнее время повелась мода называть национальными все республики СССР, кроме РСФСР, будто она образование вненациональное, ненациональное, – и термин несколько исказили. Таким образом, я хочу сказать, что в РСФСР наблюдалось появление работ националистического, Всесоюзной книжной палаты, 1960-1961). У мене збереглась вимога на видання «Художник. Сборник по вопросам изобразительного искусства» (Лгр., 1928) з відповіддю-печаткою на звороті: «Выдается по специальному разрешению».

19. Білокінь С. Нарбутова доля // Молода гвардія. 1970. 20 червня. № 118 (2516). С. 4.

а вернее – шовинистического характера, причем даже раньше: по мысли Ленина – национализм возникает как реакция на великодержавный шовинизм. Итак, можно бы констатировать обострение проблем национальности и национальной культуры, обычно отодвигающихся на второй план главнейшими вопросами современности – противоречием между двумя социально-экономическими системами, фашизма и гуманизма, а также – добавлю – противоположащих уровней интенсивности и глубины умственной деятельности отдельных людей и социальных групп.

Но и этот вопрос, хотя бы даже и очень важный, отнюдь не относится к сущности предмета, поэтому я позволю себе тут же перейти к иным.

Рассматривая литературу о Нарбуте, можно сказать, что подавляющее ее количество для дальнейших исследований ровно никакой ценности не представляет. Эта часть характеризует гораздо лучше и точнее, чем Нарбута – авторов и эпоху. Круг работ, важных и именно основополагающих, получается слишком узким. Этот крохотный пятючок, на котором и пушек не развернуть. Да и сам Нарбут писать не умел и не любил. Именно из-за существующего литературного голода я прибегаю к различного рода ухищрениям. Прежде всего, я фиксирую все, абсолютно все, даже простые упоминания о Г.И., благо это расширяет библиографию ненамного. И далее, – я стараюсь ознакомиться по возможности с большим количеством работ тех же авторов, с их жизнью и средой, определяющими те или иные особенности этих работ и пр.

Такое внимательное отношение к фону имеет большие преимущества: не дает потерять историческую перспективу, предоставляет много более возможностей для осмысления имеющейся литературы, иногда даже порождает новый фактаж по основной теме и в конечном итоге усиливает базу конкретных изучений Нарбута.

Именно вследствие такого отношения к литературе меня интересовали и продолжают интересоваться материалы о Вашем творческом пути. Поэтому меня интересует также имеющийся фактаж, касающийся Яремича и особенно Тройницкого. Очень прошу Вас направить меня к ленинградским специалистам, ими занимающимися.

В ближайшие дни я передам машинистке тексты материалов нарбутовского сборника, которые вышли затем Вам. Каковы объемы и характер Вашей деятельности ныне? Можете ли Вы принять участие в сборнике также и исследованием? Очень прошу Вас определить наиболее приемлемые для Вас условия Вашей редакторской работы. Я задержу отправку новых материалов до получения Вашего письма.

Ваше внимание оказывает мне в работе

большую моральную поддержку, и я Вам искренне признателен за всю обязательность Ваших советов и указаний.

Желаю Вам доброго здоровья!

С искренним уважением. С. Белоконь.

Преподаватель Московской консерватории Анна Даниловна Карпеко-Артоболевская (сестра Ольги Д. К. – автора воспоминаний о Нарбуте), игравшая когда-то у Вас дома, рассказывала мне о Вашем брате и просила спросить Вас, жив ли он.

*26. А.А. Сидоров – С.И. Белоконю²⁰
М[осква]. 10.IV.70*

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Извиняюсь за задержку ответа на Ваше большое и интересное письмо от 1 марта. Что касается Нарбута, – Вашего «героя», то я со своей стороны готов еще раз подтвердить, что высоко ценю его искусство, и ясно вижу в нем украинские НАРОДНЫЕ (это лучше, чем «национальные»: его я тоже не отрицаю!) начала. А Украина – моя родина, я люблю ее и не надо Вам извиняться за то, что Вы не перевели Вашей статьи на русский язык. По-украински я читаю свободно, разговорный язык, к сожалению, забыл.

Совсем не надо устранять из нашей переписки проблемы национального и интернационального. Это очень волнует нас (sic) здесь (sic). Очень важно, чтобы вы поняли: национализма, о котором писал В.И. Ленин (Вы его цитируете) в старой России было сколько угодно, а вот в РСФСР его нет. Он ВЫКОРЧЕВАН политикой Партии. «России» – нет, есть ФЕДЕРАЦИЯ многих народностей: в РСФСР – и татары, и северные народности, и чечено-ингуши, и черемисы, и чуваша, и евреи. В годы Революции право на «самоопределение» было признано за всеми ими, образовавшими автономные республики в составе федерации. Но никакого «самоопределения» русского (или «великорусского») народа не было. У нас предпочитали говорить об языке, о культуре, об искусстве русских, но не о «национальном style gusse», предоставляя плакать об этом эмигрантам.

Я потому это пишу, что я – по месту работы – «москаль» или москвич, по рождению на Сумщине – украинец, по происхождению со стороны матери – грузинской «крови», а по твердым убеждениям – интернационалист и гуманист. По отношению к Вам – мог бы быть Вашим отцом, и не хочу опускаться ни строчки в Ваших письмах, какие мне бы казались для Вас не вполне хорошими!

Очень приветствую Ваше стремление собрать все, хотя бы малейшие упоминания о Нарбуте в общих трудах. Они были и положительные и отрицательные. Знать надо все.

²⁰ Серед паперів зберігся датований 30 березня 1970 року машинопис «Доля Нарбута» з нотаткою «Статью считаю очень хорошей. Чл.-кор. АН СССР А.А.Сидоров. IV 70».

Лично я ЛУЧШЕЙ работой Нарбута считаю его «Українську Абетку»!

О С.Н. Тройницком – сведений и источников нет у меня. О С.П.Яремиче – обратитесь к Ив. Иос. Выдрину, г. Луга, Ленинградская обл., пр. им. Кирова, д. 81, кв. 41. Он собрал о Яремиче все, что было нужно для 100-летия его.

Брат мой скончался в 1944 г.²¹

Ваш А.А. Сидоров.

Билокин С.И. Из старой переписки. Вып. 4. Алексей Алексеевич Сидоров (1/13 июня 1891 – 30 июня 1978 года)

Продолжение серии публикаций «Из старой переписки». А.А.Сидоров – выдающийся книговед и искусствовед послевоенной эпохи, член-корр. АН СССР. Повествует об изучении жизни и творчества книжного графика Г. Нарбута.

Ключевые слова: *книговедение, искусствоведение, переписка, Г.И. Нарбут, А.А. Сидоров.*

Bilokin S.I. From an old correspondence. Fourth part. A.A. Sidorov (1891-1978)

This is a continuation of the series of publications «From an old correspondence». A.A. Sidorov is an outstanding bibliologist and art historian of the postwar era. The correspondence is about the life and creative work of a book graphic artist H. Narbut.

Key words: *bibliology, art history, correspondence, H.Narbut, A. Sidorov.*

08.04.2012 р.

21. Глибу матеріалів, що стоїть за цією короткою фразою, див.: Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С.Бобринской. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1999. 296 с.